

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ЦИКЛЕ "СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ ЖИВАГО" Б. ПАСТЕРНАКА

"Стихотворения Юрия Живаго" являются заключительной главой романа Б. Пастернака "Доктор Живаго". По мнению Д.С. Лихачева, роман "Доктор Живаго" – это лирическая исповедь Б. Пастернака, а "стихи Живаго" – это стихи Пастернака. И эти стихи написаны от одного лица – у стихов один автор и один общий лирический герой" [1, с. 172]. Не следует также забывать, что "Живаго – имя цитатное, значимое для всей идейной сущности романа. Сопоставление его с другими Евангельскими аллюзиями и особенно со стихотворением "Гефсиманский сад" (тема "Моление о Чаше"), которым роман заканчивается, показывает, что оно символизирует крестный путь русской интеллигенции – залог бессмертия Родины" [2, с. 354].

"Стихотворения Юрия Живаго" представляют собой цикл, объединенный кольцевой композицией. В цикле прослеживаются три тематические линии, тесно взаимосвязанные и переплетающиеся между собой. Данные линии ярко проявляются в номинациях, использованных в заголовках стихотворений.

Одна линия связана с темой природы: стихотворный цикл построен подобно природному циклу: весна – лето – осень – зима – весна (ср. заголовки стихотворений: "Март", "Белая ночь", "Весенняя распутица", "Лето в городе", "Бабые лето", "Осень", "Август", "Зимняя ночь").

Вторая тематическая линия отражает жизнь человека с ее страстями и переживаниями ("Объяснение", "Свадьба", "Разлука", "Свидание").

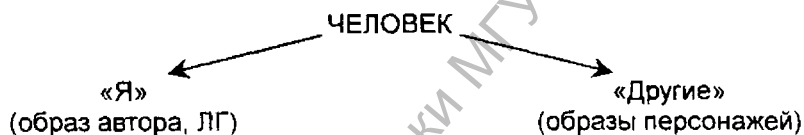
Третья линия объединяет евангельские мотивы ("Гамлет", "На Страстной", "Рождественская звезда", "Чудо", "Магдалина" (I, II), "Гефсиманский сад").

Однако отсюда не следует, что данные линии изолированы друг от друга, как уже отмечалось выше. Ср. замечание В.Н. Альфонсова: "В цикле перемежаются стихи очень емкого и символического содержания и стихи "простые" – о природе, любви, разлуке... Постепенно нарастает значение евангельских мотивов, но они не противостоят "природной или любовной лирике, "быту" – два эти потока как бы отражаются друг в друге, взаимодействуют и взаимообогащаются" [3, с. 289].

Предметом нашего исследования стала **концептосфера** цикла – целостность концептов, зависящих друг от друга и обусловленных национальным, сословным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека [4, с. 5], в данном случае – лирического героя (ЛГ), т.е., говоря языком самого Б. Пастернака, “образ мира, в слове явленный...”. Рассмотрим основные концепты цикла, учитывая их сложную структуру: современные ассоциации и оценки, исторические признаки, а также внутреннюю форму [5, с. 41].

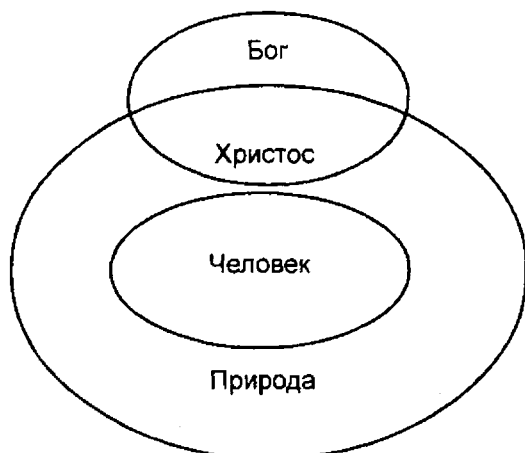
Концептосфера стихотворного цикла – не что иное, как концептуальная картина мира, которая преобразуется в языковую картину мира ЛГ Б. Пастернака и выявляется через анализ образных средств, ассоциаций, вызываемых ими, их внутренней формы.

Центральная концептуальная линия цикла – Жизнь – Смерть – Воскресение, она взаимосвязана, с одной стороны, с линией Человек – Бог, с другой стороны, с концептом Природа. Все концептуальные линии объединяются концептом Судьба (Призвание), но в центре находится концепт Человек, что естественно для лирической поэзии. Данный концепт представляет собой сложное явление, которое включает “Я” (образ автора, лирического героя), противопоставленное “Другим” (окруженное “Другими” (образы персонажей, образ читателя), см. схему:

Концепт Человек предстает в стихотворном цикле как ЛГ (я), возлюбленная ЛГ (она, женщина, ты), человек (он, верховой, конный), домашние, вы, друзья, ученики, гости, люди, толпа. Ты – мила, у тебя есть поклонники. / Этой белою ночью мы оба, / Примостясь на твоём подоконнике, / Смотрим вниз с твоего небоскреба. (“Белая ночь”); С порога смотрит человек, / не узнавая дома. (“Разлука”); Я дал разъехаться домашним... (“Осень”); Мне снилось, что ко мне на проводах, / Шли по лесу вы друг за дружкой. (“Август”); Со мною люди без имен, / Деревья, дети, домоседы. (“Рассвет”). Характерно, что Человек не получает имени собственного, он именуется либо предельно обобщенно (личные местоимения, человек, люди и т.п.), либо получает номинацию по социальной функции (домашние, друзья и т.п.). ЛГ остается одиноком среди людей, рядом с ним может быть только любимая женщина, что выражается через категорию числа: на близость к ЛГ указывает форма единственного числа номинаций; употребление форм множественного числа в наименовании людей свидетельствует о том, что они отдалены от ЛГ, но в то же время выступают как совокупность. ЛГ и женщина представляют собой единое целое, или, лучше сказать, две половинки: И оттого двоится / Вся эта ночь в снегу / И провести границы / Меж нас я не могу. (“Свидание”). Расставание же с возлюбленной порождает вокруг ЛГ хаос, разрушает гармонию: везде следы разгрома; повсюду в комнатах хаос; все выворотила вверх дном (“Разлука”).

Анализ концепта Человек подводит нас к рассмотрению других важных концептов. В стихотворном цикле Б. Пастернака концепт Человек связан с концептом Природа, который, в свою очередь, реализуется в Пространстве и во Времени. От концепта Человек прослеживается линия к концепту Бог. Создается художественный мир, представленный на схеме:

Человек не оторван от Природы, не противопоставлен ей. От окружающего мира, от Природы Человека всегда отделял дом, служивший убежищем (Вспомните пословицу: "Мой дом – моя крепость"), город (как совокупность домов), но у ЛГ Б. Пастернака дом и город всегда открыты: связь с Природой осуществляется через **окна**, через **дыру в заборе**, через **дверь**: *Пробирается ночь вдоль забора, / И за ней с подоконника тянется / След подслушанного разговора.* ("Белая ночь"); *Ход из сада в заборе проломан / И теряется в березняке.* ("Бабье лето"); *И вносят с улицы в притвор / Весну, весенний разговор...* ("На страстной").

Утрата связи с окружающим миром свидетельствует о разладе в душе ЛГ: *Когда сквозь иней на окне / Не видно света Божья / Безвыходность тоски вдвойне / С пустыней моря схожа.* ("Разлука").

Человека объединяет с Природой общее состояние: *И та же смесь огня и жуты, / На воле и в жилом уюте... / И тех же верб сквозные прутья, / И тех же белых почек вздутья / И на окне, и на распутье, / На улице и в мастерской.* ("Земля"); *И одиночеством всегдашним / Полно все в сердце и в природе.* ("Осень").

Мир Человека и мир Природы у ЛГ Б. Пастернака отражаются друг в друге, как в зеркале. Это выражается через метафору, сравнение. Деревья, сады, лес, земля, весна наделяются человеческими признаками, качествами, действиями: *лес раздет и непокрыт, деревья смотрят нагишом, березы... должны по-сторониться* ("На Страстной"); *Как у дюжей скотницы работа, / Дело у весны кипит в руках* ("Март"). Действия Человека, в свою очередь, уподобляются природным явлениям: *Ты так же сбрасываешь платье, / Как роцца сбрасывает листья...* ("Осень"); *Я таю сам, как тает снег, / Я сам, как утро, брови хмурю.* ("Рассвет").

Назначение поэта, по мнению ЛГ, не только в том, чтобы выражать, но и в том, чтобы творить гармонию Человека и Природы: *На то ведь и мое призванье, / Чтoб не скучали расстоянья, / Чтoбы за городскую гранью / Земле не тосковать одной. / ... / Чтoб тайная струя страданья / Согрела холод бытия.* ("Земля").

Концепт Человек неразрывно связан с концептуальной линией Жизнь – Смерть – Воскресение. Жизнь и Смерть можно рассматривать, с одной стороны, как Жизнь Человека, с его страстями и страданиями, и его конец, а с другой

стороны, – как Жизнь и Смерть в Природе, частью которой Человек себя ощущает. Жизнь ЛГ складывается из событий, обусловленных взаимоотношениями с женщиной: любви-страсти (“Осень”, “Лето в городе”, “Хмель”, “Зимняя ночь”), разлук (“Разлука”), встреч (“Свидание”), разрывов (“Объяснение”). Но для ЛГ это лишь внешняя канва Жизни, на самом деле Жизнь – нечто иное, более сложное: *Жизнь ведь тоже только миг, / Только растворенье / Нас самих во всех дру- гих, / Как бы им в даренье.* (“Свадьба”). Именно в этом, по мнению ЛГ Б. Пастернака, заключается бессмертие Человека. В то же время Человеку не дано до конца понять, как и почему он обретает или теряет Жизнь: *Жизнь вернулась так же беспричинно, / Как когда-то странно прервалась.* (“Объяснение”).

Отражение Жизни и Смерти в Природе соответствует мифологическим воззрениям славян. Противопоставления жизнь – смерть, лето – зима, тепло – холод, свет – тьма очень древние. Так, А.Н. Афанасьев утверждает, что “борьба Жизни и Смерти, Лета и Зимы, Дня и Ночи совершенно тождественны по значению...” [6, т.3, с. 28]. Еще у первобытных племен сложилось убеждение, что мрак и холод враждебны свету и теплу. Годичный цикл складывался из двух времен года – лета и зимы, противопоставленных друг другу. Эти древние оппозиции нашли выражение и в языковой картине мира ЛГ Б. Пастернака.

Весна воспринималась в древности как переход от зимы к лету: лето вступало в свои права, уничтожив зиму, повергнув ее в грязь. Как же видится весна ЛГ? Все, что связано с зимой, охвачено болезнью: *чахнет снег и болен малокровьем, кровельных сосулек худосочье* (“Март”). Описание весны связано со стихией огня, несущего жизнь: *солнце греет, дело кипит в руках, дымится жизнь, здоровьем пышут зубья вил* (“Март”). Смысл выражения *солнце греет до седьмого пота* становится понятным, если знать, что у древних славян Бог-громоуник пробуждается от зимнего сна и потеет, из его пота образуются грозовые тучи [6, т.2, с. 242].

Однако огонь как в языческой, так и в христианской традиции амбивалентен: с ним может быть связана божья ласка и божий гнев [7, с. 23]. В рассматриваемом цикле эта амбивалентность также проявляется. Об огне, несущем жизнь, сказано выше, но не менее ярко выражен противоположный смысл – огонь, несущий гибель, причем это может быть гибель зимы: *огни заката догорали, пожарище заката* (“Весенняя распутица”), смерть лета и вместе с ним Человека: *сгоревший на солнце орешник словно жаром костра опален; все пред тобой сожжено, и осенняя белая копоть паутиною тянет в окно* (“Бабье лето”). Эпитеты, связанные с цветовой гаммой огня, также раскрывают тему Смерти: *Проникло солнце утром рано / Косою полосой шафрановою...; Оно покрыло жаркой охрою; Имбирно-красный лес кладбищенский, / Горевший, как печатный пряник.* (“Август”).

Две природные мифологемы – стихия ветра и стихия огня – помогают раскрыть тему любви, страсти, т.к. именно проявления стихии, по мнению древних, были следствием действий Божества, оплодотворяющего землю [8, с. 308]. При этом огонь является воплощением страсти, несущей жизнь: *свеча горела, озаренный потолок, жар соблазна*, – а ветер, метель усиливают эту тему, проводя параллель между состоянием Человека и состоянием Природы: *мело, мело по всей земле; метель лепила, дуло из угла* (“Зимняя ночь”).

Стихия ветра, вьюга, может стать символом Смерти (зимы): *улицы в снегу и вымершие мостовые* (“Рассвет”).

Жизнь для ЛГ связана с полетом, с образом птицы. Птица – связующее с небом звено, это воплощение Бога: *Прощай, размах крыла расправленный, / Полета вольное упорство, / И образ мира, в слове явленный, / И творчество,*

и чудотворство. ("Август"). Ср. еще одно определение жизни: *Только песня, только сон, / Только голубь сизый.* ("Свадьба"). **Голубь сизый** символизирует связь с небом [6, т.1, с. 275], **песня** – это звук, а значит – в ней кроется творческое начало [8, с. 160], **сон** – свидетельство единения с божеством: "Магическому мышлению сон представлялся как сакрально-сексуальный экстаз – отрыв от всего земного, т.е. потеря слуха, зрения, речи, обоняния, а главное – приближение к божеству, слияние с божеством" [8, с. 302].

Мифологема сон в стихотворении "Сказка" символизирует пограничное состояние между Жизнью и Смертью. Сон и забытие позволяют Человеку одновременно находиться в разных мирах: *Сомкнутые веки. / Выси. Облака. / Воды. Броды. Реки. / Годы и века.* **Выси, облака** – это то место, куда улетаёт душа после смерти [8, с. 230]; **вода** – это одновременно и источник жизни, и источник смерти; **броды** – место перехода из реального мира в мир потусторонний; **реки** – также возможный путь в потусторонний мир [8, с. 77].

Линия Жизнь – Смерть – Воскресение связана не только с Человеком и Природой, но и с Богом. Бог так же, как и Человек, не имеет имени, а назван местомимением он: *Он шел из Вифании в Иерусалим, / Заранее грустью предчувствий томим.* ("Чудо"); *Он отказался без противоборства, / Как от вещей, полученных взаимы, / от всемогущества и чудотворства, / И был теперь, как смертные, как мы.* ("Гефсиманский сад"). Бог одинок и противопоставлен ученикам, толпе, их разделяют стена, ворота: *Учеников оставив за стеной...* ("Гефсиманский сад"); *Толпа на соседнем участке / Заглядывала из ворот...* ("Дурные дни"). Рядом с Христом только две женщины: Мария ("Рождественская звезда") и Магдалина ("Магдалина" (I, II)). *И только волхвов из несметного сброда / Впустила Мария в отверстие скалы.* ("Рождественская звезда"); *У людей пред праздником уборка / В стороне от этой толчеи / обмываю миром из ведерка / Я стопы пречистые твои.* ("Магдалина" (II)). В стихотворениях "Магдалина" (I, II) именно Магдалина выступает как ЛГ. Отношение Магдалины к Христу – это зеркальное отражение отношений ЛГ других произведений цикла к женщине, это тоже страсть. Однако это страсть другого рода, или, точнее сказать, другого, более высокого, порядка. Для Магдалины существование без Христа невозможно: *...я на глазах у всех / С тобой, как с деревом побег, / Срослась в своей тоске безмерной.* ("Магдалина" (I)). Интересно отметить, что в мифологии **дерево** соотносилось с понятием **бог**, а также **жертвоприношение** [8, с. 136-137].

Если Человек составляет единое целое с Природой, то Бог выше Природы, он может сотворить чудо вопреки ее законам: *Найдись в это время минута свободы / У листьев, ветвей, и корней, и ствола, / Успели б вмешаться законы природы. / Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог. / Когда мы в смятеньи, тогда средь разброда / Оно настигает мгновенно, врасплох.* ("Чудо").

В стихотворном цикле показано рождение Бога, его смерть и Воскресение. Рождение Бога в стихотворении "Рождественская звезда" раскрыто через противопоставление тепло, свет – холод. Мифологема свет связана в христианском понимании с идеей пришествия Бога в образе Человека [7, с. 22]. Свет исходит от звезды: *Она пламенела, как стог, в стороне, / От неба и Бога, / Как отблеск поджога, / Как хутор в огне и пожар на гумне. / Она возвышалась горячей скирдой / Соломы и сена. / Растущее зарево рдело над ней / И значило что-то.* Окружающая природа враждебна, скована зимой: *стопала зима, холодно было младенцу, поле в снегу и погост, все злей и свирепей дул ветер, морозная ночь.* Тепло младенцу-Христу дают животные: *его согревала дыханье вола, над яслями теплая дымка плыла, ему заменяли овчинную шубу ослиные губы и ноздри вола.* Следует заметить, что, по древним поверьям,

звезда соотносилась со значением святости, истинности и в то же время тесно связывалась с понятием судьбы, и даже жертвоприношением [8, с. 159]. Все эти символические значения переплелись в библейской легенде. Символика мифологемы звезда позволяет также провести параллель между звездой на небе, от которой исходит свет, и животными на земле, согревающими Христа, т.к. понятие звезды было тесно связано с понятием священных животных, которым поклонялись язычники [Там же].

Изображение смерти Христа также связано с противопоставлением света и тьмы. Здесь есть аналогия и с судьбой Человека: Гамлет видит **сумрак ночи** ("Гамлет"), Христос глядит в **черные провалы** ("Гефсиманский сад"), однако перед Христом расстилается Млечный путь: *Лужайка обрывалась с половины. / За нею начинался Млечный путь.* ("Гефсиманский сад"). Млечный путь у индоевропейцев символизировал священную дорогу, по которой боги сходили на Землю, а души усопших возносились в рай [6, т.3, с. 141-142]. Это путь Христа к Воскресению.

Концепт Судьбы занимает в цикле центральное место, связывает все концепты в единый узел. Здесь показана Судьба Человека, Судьба Бога в образе человека, Судьба Природы. Если для Природы актуален именно древний, мифологический круг Жизнь – Смерть – Воскресение, то для Бога и Человека получаем иную картину, связанную с христианской традицией, см. схему:

Жизнь Человека, его Судьба predeterminedены свыше, – это замысел упрямый (Бога), роль, распорядок действий, которые осуществляются на подмостках ("Гамлет"). Жизнь уподобляется театральной роли, но это лишь современная номинация книги жизни. Книга в языческом миропонимании занимает особое место: она написана божественным пером, слова этой книги понимались как путь в мистическом смысле [9, с. 73]. Эта мифологема отражена в "Гефсиманском саде", где показана судьба Бога в образе человека: *Но книга жизни подошла к странице, / Которая дороже всех святых. / Сейчас должно написанное сбыться.* ("Гефсиманский сад"). Ср. также: *И вот послесловье, конец...* ("Дурные дни").

Жизнь, Судьба Человека и Бога предстает в стихотворном цикле и в виде креста: Судьбы **скрещенья** ("Зимняя ночь"); *Будет к небу рваться этот крест* ("Магдалина" (II)). Крест символизирует единство Верха и Низа [9, с. 82], и в то же время – единение со всеми живущими: *Слишком многим руки для объятья / Ты раскинешь по концам креста.* ("Магдалина" (II)).

Но Судьба, Призвание ведут не к Смерти, а через страдание и Смерть к Воскресению. Путь к нему труден и для Бога, и для Человека, и для Природы: *Но в полночь смолкнут тварь и плоть, / Заслышав слух весенний, / Что только-только распогодь, / Смерть можно будет побороть / Усильем Воскресенья.* ("На Страстной"); *Но пройдут такие трое суток / И столкнут в такую пустоту, / Что за этот страшный промежуток / Я до Воскресенья дорасту.* ("Магдалина" (II)).

ЛГ Б. Пастернака в цикле "Стихотворения Юрия Живаго" живет в гармонии с Природой и Богом; с одной стороны, он одинок среди людей, с другой стороны, не может существовать без своей половины – женщины. Одиноким Человека делает осознание своей Судьбы, но в то же время, подобно Христу, он чувствует единение со всем живущим: *Мне к людям хочется, в толпу, / В их утреннее оживление. / ... / Я чувствую за них за всех, / Как будто побывал в их шкуре. / Я ими всеми побежден, / И только в том моя победа.* ("Рассвет").

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лихачев Д.С.** Размышления над романом Б.Л. Пастернака // "Доктор Живаго" Бориса Пастернака / Сост. **Л.В. Бахнов, Л.Б. Воронин.** – М., 1990.
2. **Арнольд И.В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. **П.Е. Бухаркин.** – СПб., 1999.
3. **Альфонсов В.Н.** Поэзия Бориса Пастернака. – Л., 1990.
4. **Лихачев Д.С.** Концептосфера русского языка // Известия АН, СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3-10.
5. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
6. **Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу. – В 3-х томах. – М., 1995.
7. **Кожынава А.А.** Ідэя святла ў вобразнай сістэме малітваў Кірылы Тураўскага // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1994. – № 1. – С. 21-24.
8. **Маковский М.М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.
9. **Маковский М.М.** Мифопоэтика письма в индоевропейских языках // ВЯ. – 1999. – № 5. – С. 73-86.

SUMMARY

The conceptual world image of the B.Pasternac's lyric character and its transformation into the language world image are the objects of investigation in the article. Such concepts as Person, God, Nature, Fate, Life, Death are in the centre of the author's attention. Their structure is revealed through the analysis of nominations, grammatical devices, tropes. The linguistic culturological approach allows the author to reveal the mythic poetic basis of the concepts and their images in the language, to observe the influence of Christian world outlook on the structure of the conceptsphere, to see a things common to all mankind and individually to the author in the world image of the B.Pasternac's lyric character.